

Так много камней брошено в меня...

ПОСЛЕ СОБЫТИЙ ВОКРУГ ЦАРСКОЙ ВИЛЛЫ
В РЫБАЧЬЕЙ СЛОБОДЕ ЕКАТЕРИНА
СТАРАЛАСЬ ПРОСЧИТЫВАТЬ
КАЖДЫЙ СВОЙ ШАГ

Освобождение из-под стражи трех братьев, отсидевших в каземате добрую пару лет, да еще ни за что, вызвало прилив неподдельного оптимизма как в свите Фике, так и среди приятелей Петра Феодоровича. И хотя камер-лакеев Чернышевых не оставили в столице, а отрядили на Урал полковыми поручиками (сиречь лейтенантами), золотая молодежь была донельзя рада благополучному исходу долгого и скандального предприятия.

НО ПО РАСЧЕТУ ПО МОЕМУ: ДОЛЖНА РОДИТЬ...

Затейливая история, показавшая, сколько хорошо все, что хорошо кончается, повысила рейтинг расторопной финки Екатерины Войновой — комнатной горничной великой княгини и заодно ее крестной дочери. Веселая и старательная толстушка, собиравшаяся замуж за родственника Тимофея Евреинова, отличалась резвым, непоседливым нравом. Она не только отменно подметала полы и взбивала перины, но и обладала редким, данным свыше талантом лицедейства — божественно пародировала любого человека. Особенно удавалось передразнивать походку обер-гофмейстерины Марии Чоглоковой во время ее очередной беременности.

Дамы шептались, что земной путь любвеобильной «надзирательницы», успешней за свою в общем-то короткую жизнь осчастливить человечество восемью детьми (поровну сыновьями и дочерьми), стоит из непрерывной цепочки родов и подготовки к оным. После младенческого крика энного чада достойная кузина императрицы немедленно тяжелела опять, а затем в свой срок избавлялась от бремени, дабы тут же подхватить новое. Наблюдавшая за процессом разбитная Катерина была, понятно, в первых рядах шутников и шутниц. Она привязывала под юбку самую большую в спальне подушку и, мастерски покачивая животом и бедрами, фланировала по просторному будуару. Иллюзия была полной: ни дать ни взять — брюхатая Мария Симоновна!

Фике и ее фрейлины буквально задыхались от смеха: вот тебе домашний и бесплатный цирк! Впрочем, не все коту масленица — случается и Великий пост. Некий добротот сообщил, видимо, о подобных безобразиях «тем, кому ведать сие

надлежит». И в одно прекрасное утро государыня изволила в категорической форме довести до сведения княгини, что пора побыстрее, не откладывая, выдать чересчур бойкую горничную за ее жениха. Сыграли свадьбу, и вскоре, как водится, на дворцовых лестницах простыл даже след неугомонной Катеринки. Вновь исчезла близкая, родная душа...

Я ЖИВУ, КАК КУКУШКА В ЧАСАХ...

Затянувшаяся эпопея горе-«выездных» Чернышевых разворачивалась на фоне инных светских эпизодов. Весь 1747 год был пропитан легким духом интрижного авантюризма. Придворные словно сговорились отодвигать и подсиживать друг друга, и бодрое действо шло без антрактов. По весне Елизавета Петровна перевела свой штат в Летний дворец на берегу Фонтанки. Тотчас грянула кадровая ротация: двух вельмож — Александра Вильбуа и графа Петра Девиера — отправили в армию. Первого — полковником, второго — повыше, войсковым бригадиром. Великокняжеская чета не сомневалась: оба пострадали за верность престолонаследнику и Екатерине, тем паче что она уже простила графа Петра Антоновича за «доклады» наверх о ее мнимых шашнях с Андрюшей Чернышевым.

Примерно в те же недели русская столица радушно приняла шведского посланника Вольфенштерна — этакого картинного викинга, вызвавшего настоящую эйфорию в женской части высшего света. То был, умилились наши сифиды, «красивейший с ног до головы мужчина, какого только можно встретить». Чаровницы без устали — «совсем невинно» — ворковали о наружности благородного скандинава. Поддалась стадным эмоциям и Фике. Както за столом она тоже похвалила удаль и

«В тумане, заполнявшем зал...». Так развлекали гостей и послов. Бал-маскарад. 1740-е годы. Гравюра.

стать писаного красавца. И попала впрок: спустя считанные минуты ее отругали от имени самодержицы за «неумеренные восторги» в адрес варяжского гостя. Пришлось — в который раз! — прикусить язык.

Впоследствии Катя — нет, уже ее величество Екатерина Алексеевна — меланхолично вздыхала, что грех бранить молодых женщин за случайно брошенные фразы. Эка беда — слово: сказали — забыли! А вот упреки, напротив, могут задержать на ком-нибудь их пристальный и игривый взор. Либо, избави Бог, внушить той или иной прелестнице тайную и порочную мысль, будто люди придадут ее нескромным репликам больше значения, чем это есть на самом деле. Далеко ли до нравственного упадка? Крайне опасно, витийствовала на склоне лет просвещенная монархиня, развивать неопределенные чувства, с зародышем коих всякий человек изволением Божиим является в наш мир...

ДО СЕМИ ЛИ РАЗ ПРОЩАТЬ БРАТУ МОЕМУ?

Из Летнего дворца свита, по обыкновению, переселилась в Петергоф. Петру Феодоровичу строжайше запретили составлять домашние полки, загоняя туда приближенных. Посему цесаревич тешился ратными экзерцициями с последним солдатом империи — своей законной супругой. Благодаря его неустанным заботам Фике умела до гробовой доски исполнять все ружейные приемы «с точностью опытного гренадера». Она подолгу стояла в карауле, держа мушкет на плече и оберегая от врагов Отечества дверь между ее и мужей комнатами. Когда боевое дежурство истекло, принцесса шла читать книги и размышлять о недавней истории.

...Взлет петровской — то есть нарышкинской — партии отнюдь не означал бес-

спорной победы добра над злом. Все было соткано из нестыковок и противоречий. Многие новые выдвинутцы очевидно уступали по уровню старой чиновной гвардии царевны Софьи, не имели серьезных знаний и навыков, не могли методично и продуктивно работать. А уход из политики сердечного любимца регентши князя Василия Голицына (Василия Великого, как иногда называли его восхищенные приказные дьяки) можно без натяжек назвать подлинной драмой русской жизни.

Сильно оговоренный на дыбе Федей Шаковитым, он, ссыльный, угас четверть века спустя на далеком и холодном Севере. Угас за 60 лет до кровавого пугачевского бунта, которого, вероятно, и не было бы вообще — вознесись он, «государевых по-вольских дел оберегатель», к могуществу и власти. Недаром маститый историк Василий — тоже Василий! — Ключевский, сожалея об упущенных национальных возможностях, признавал: «Голицын, младший из предшественников Петра, ушел в своих планах гораздо дальше старших». И теперь оставалось лишь надеяться на будущее, уповать на личность царя Петра — в те времена еще не оперившегося, легкомысленного юнца.

В триумфе Нарышкиных над Милославскими летом 1689-го исключительную роль сыграл двоюродный брат Василия князь Борис Голицын. Горячий сторонник Петра, он, однако, испытывал истинный ужас от того, что кто-то из его фамилии взойдет на плаху или ляжет на колесо. И попросил молодого повелителя о щедрой монаршей милости. Такой поступок дорого обошелся носителю родовой чести. Гнев и ярость обрушились на его бедную голову, причем страшнейшие громы и молнии метала царица-мать Наталья Кирилловна. «Волка вы спасли! Волка лютого!» Вот и не поднялся великодушный Борис Алексеевич выше захолустного Казанского приказа. Пожертвовал карьерой, хотя потом, по смерти Натальи, Петр не обижал любимого «дядьку».

Князь Борис ведал государством при заграничных отлучках Преобразователя, сидел на допросах по Стрелецкому мятежу, управлял огромным Поволжьем. Но... падок был до зеленого змия, к чему сызмальства пристрастил и своего знаменитого воспитанника, умевшего, правда, в зрелом возрасте пьянствовать, да не пьянеть. Умер Борис, отставленный от постов и чинов, в один год с кузеном Василием — осенью 1714-го, уже после Гангутской морской битвы. За несколько месяцев до кончины надел иноческий клобук и покинул твердь земную в Свято-Успенской обители во Флорищевой пустыни на рубежах Владимирщины и Нижегородчины. Похоронили чернеца Боголепа со слезами и молитвами. Как жаль, подумалось Фике, что «дедушка» потерял таких уникальных советников...

«Я грустным братьям — брат примерный...». Свято-Успенский монастырь во Флорищевой пустыни. Здесь в октябре 1714 года обрел вечный покой князь Борис Голицын.

«Ты здесь у фонтана приляжешь...». Итальянский фонтан в Нижнем саду Петергофа. XVIII век.